

### ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК «ИСКУССТВО ЛЕГКИХ КАСАНИЙ»

«Титульной» темой номера выступает феномен и политика исторической памяти. На исходе XX в. в предметном поле социогуманитарного знания наряду с понятиями исторического знания, исторического сознания и представлений о прошлом возникло понятие исторической памяти в качестве инструмента ре-интерпретации взаимосвязей между историей, памятью и идентичностью. Соответствующие изыскания нередко определяются как «поворот», «мемориальная парадигма», «мемориальная революция» и даже «мемориальный бум». Немецкая исследовательница А. Ассман даже использовала термин «повальное увлечение» исследованием образов прошлого в качестве интерпретационных моделей, позволяющих ре-интерпретировать настоящее. Мемориальная парадигма восприняла идеи французского социолога Мориса Хальбвакса – погибшего в нацистском концлагере автора труда «Коллективная память», и прежде всего, ключевую идею Хальбвакса: если история как наука стремится к универсальности, и при всех делениях на национальные истории или истории по периодам, есть только одна история, то одновременно существуют несколько вариантов коллективной памяти.

Известный отечественный исследователь Л.П. Репина правомерно отмечает: значение парадигмы исторической памяти состоит в том, что это – «не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом»<sup>1</sup>. Это означает, что историческое прошлое в формате особого типа памяти определяет смысловое содержание настоящего. Поэтому уже три десятилетия назад в фокус внимания представителей профессионального сообщества вошли вопросы соотношения истории, памяти и идентичности с использованием культурного наследия, инструментов исторической политики и с учетом трансформации исторического сознания и исторической культуры. Содержание, объем, границы и функционал понятия исторической памяти остаются предметом дискуссий и характеризуются концептуальной нестрогостью,

---

<sup>1</sup> Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки): препринт WP6/2003/07 / Л.П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 10.

рождающей сложности с разграничением понятий исторической памяти и исторического сознания. Историческое сознание – более широкое понятие, оно более поддается строгой артикуляции и предполагает более системную рефлексию о прошлом. Многозначность понятия исторической памяти является одним из факторов, определяющих его востребованность в современном гуманитарном знании.

В представляемом номере затронуты несколько сюжетов, имеющих отношение к политике памяти. В статье известных отечественных исследователей профессоров А.П. Романовой и М.М. Федоровой представлен сравнительный анализ неоднозначных по содержанию процессов формирования новых идентичностей в постсоветских государствах Каспийского региона. Этот регион значим с точки зрения геоэкономических интересов России, и перспективы эффективного сотрудничества в данном регионе не в последнюю очередь связаны с характером интерпретации общего с соседями исторического прошлого, что наряду с иными мотивами стимулирует исследовательский интерес к изучению политики исторической памяти в странах региона. В качестве объекта изучения с использованием социологических методов избраны Республика Казахстан и Республика Туркменистан, опыт мемориальной политики которых коррелирует с практиками других государств Центральной Азии в плане использования исторической памяти для укрепления национальной идентичности. Изыскания показали, что технологии укрепления национальной идентичности в упомянутых государствах включают «фундаментализацию» собственного прошлого за счет его «удревления», пересмотр и переоценку совместного с Россией исторического пути и формирование образа будущего. Сравнительный анализ показывает существенно более высокую интенсивность исторической политики в Казахстане, что может быть обусловлено не только отмеченными авторами социально-политическими различиями стран, но также с высокой степенью открытости Казахстана и активностью в ее социокультурном пространстве заинтересованных внерегиональных игроков.

Специалист в области истории и современной политики Китая И.Ю. Зуенко задается задачей оценить содержание мемориальных экспозиций в российско-китайском трансграничье с целью оценки перспектив использования трансграничного туризма для формирования «компромиссной», устраивающей обе стороны версии истории российско-китайских отношений. Этот сюжет представляет тем больший интерес, что, несмотря на высокий уровень текущего российско-китайского сотрудничества, пока непроработанным остается ряд вопросов прошлого двусторонних отношений, которые в большинстве случаев оцениваются сторонами по-разному, что находит отражение в «борьбе исторических нарративов». Проведенный анализ несколько озадачивает, поскольку

на материале анализа ряда мемориальных мероприятий автор констатирует ограниченную эффективность усилий российской стороны по продвижению собственных интерпретаций истории двусторонних отношений, которые не воспринимаются китайской стороной, активно продвигающей собственную повестку. И.Ю. Зуенко обоснованно предлагает серьезную проработку прошлого отношений двух стран в формате академической дискуссии, что позволит перейти от «борьбы нарративов» к созданию «компромиссной», но объективной версии истории. При этом автор отнюдь не претендует на полноту охвата проблематики, а приглашает к научной дискуссии.

Статья И.В. Дьячкова и Д.Е. Шкатова переносит нас на соседний по отношению к КНР Корейский полуостров и посвящена рассмотрению роли конструкторов исторической памяти на корейском материале, что обретает новое звучание в контексте активизации в настоящее время взаимодействия Российской Федерации с КНДР. Исследование фокусировано на чувствительном в политике памяти понятии «историческая обида», использование которого в актуальном дискурсе, как правило, политически мотивированно. Данный термин характеризует диспозицию, в которой одна сторона представляет себя в качестве невинной жертвы, а другая выглядит как несправедливый обидчик. Эта диспозиция может быть использована в качестве эффективного инструмента политической дискредитации «обидчика» и мобилизации поддержки собственного населения. К счастью, российско-корейские отношения в целом не отягощены грузом трудноразрешимых проблем, однако существует несколько исторических сюжетов, которые могут быть актуализированы в случае осложнения современного политического контекста. В статье деликатно рассмотрены эти сюжеты. На наш взгляд, помимо решения академических задач результаты данных изысканий могут быть весьма полезны и практическим политикам – как минимум для того, чтобы обойти потенциально острые углы как в отношениях с КНДР, так и во взаимодействии с РК, которую называют «наименее недружественной» из недружественных стран.

Еще одним профильным сюжетом стало рассмотрение профессором Бурятского государственного университета А.В. Михалевым монгольского кейса – роли музея маршала Г.К. Жукова в Улан-Баторе в контексте развития современных практик мемориальной культуры и шире – в контексте российско-монгольских отношений. Автор выявляет взаимосвязь между коммеморативными практиками и решением политических задач – в данном случае восстановлением военного сотрудничества России и Монголии. Этот пример подтверждает функциональные возможности мемориальной политики, инструменты которой используются порой и для достижения вполне прагматических целей: музей, находящийся в прямом подчинении министерства обороны Монголии, выступает в качестве элемента системы

военно-дипломатических отношений. Что касается собственно символической политики, то роль коммеморации трудно переоценить. Так, музей Г.К. Жукова напоминает о признании в 1946 г. суверенитета Монголии со стороны Китайской республики, считавшей Монголию своей автономией и стремлению Монголии к обретению периферийного места в мировой политике XX в.

Адекватная историческая память немыслима вне качественного исторического образования и качественного образования вообще. В том числе этим обстоятельством обусловлено включение в данный выпуск статьи проректора Московского университета им. А.С. Грибоедова, доктора юридических наук, профессора А.С. Автономова и заведующего кафедрой конституционного права МГИМО, заслуженного юриста РФ, академика РАО, доктора юридических наук, профессора В.В. Гриба о праве на образование. Авторы исходят из логичной посылки о том, что качество образования не в последнюю очередь зависит от позиционирования права на получение образования в юридическом поле. Нет сомнений, что выявление специфики закрепления данного права в конституции позволяет оценить качество образования и спрогнозировать тенденции его развития, что побуждает авторов к проведению сравнительного анализа способов закрепления права на образование в современных конституциях, а также выявлению основных тенденций и закономерностей конституционного обеспечения реализации данного права в текущих условиях.

В.В. Гриб и А.С. Автономов разбирают содержание конституционного права на образование и выясняют, что и сегодня есть конституции, не предусматривающие права на образование. И все же авторы правы: в современном мире проще перечислить страны, в конституциях которых не зафиксировано право на образование, чем те, где оно в том или ином виде наличествует.

Макрорегиональное и региональное измерения политики получают развитие в рубрике «Научный дебют», содержащей статью А.Э. Урюпиной, которая с опорой на эвристический потенциал недавно вошедшего в научный оборот термина «интеррегионализм» (в своей «чистой» версии определяет сотрудничество между двумя интеграционными объединениями в отличие от квази-интеррегионализма, при котором взаимодействие ведется не с интеграционным объединением, а с его отдельной страной-участницей) исследует конкретный кейс квази-интеррегионализма по линии ЕС–Индонезия. Казалось бы, данный сюжет далек от актуальных вопросов отечественного политологического дискурса и его обсуждение имеет смысл преимущественно *ad hoc* в кругу узких специалистов, однако данный кейс обретает более широкое звучание в связи с планами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) проводить активную интеррегиональную политику и развивать торгово-экономическое сотрудничество

также с отдельными странами-участницами АСЕАН. ЕАЭС уже заключил соглашения о ЗСТ с Сингапуром и Вьетнамом; «на столе» – вопрос о заключении сделки о ЗСТ и с Индонезией, переговоры по которой уже начались весной 2023 г. В этой связи обсуждение аналогичного опыта ЕС, продвинувшегося по пути сотрудничества не только с АСЕАН как консолидированным образованием, но также с его отдельными участниками, имеет смысл. Успех исследования может быть связан с рационально обоснованными критериями, в качестве которых выступают состояние торговых отношений; уровень институционализации данных отношений; препятствия на пути к заключению соглашений о ЗСТ.

Артикуляция исторической политики, как правило, включает анализ практик идентификации, поэтому в представляемый выпуск включена статья молодой исследовательницы из Ирана Лейлы Хадем Махсуос Хоссейни, которая рассматривает влияние государственной политики на формирование национальной идентичности русской женщины. Мнение иранского ученого по данной теме само по себе представляет интерес – взгляд внешнего наблюдателя может сообщить то, что не видно «изнутри». Обращение к этой теме представительницы Ирана не выглядит экстравагантным, если иметь в виду обоюдную приверженность российского и иранского обществ традиционным ценностям, несмотря на существенные различия этноконфессионального и социокультурного профиля двух стран. Автор полагает, что российская политика идентичности построена в том числе с учетом здравого смысла, поэтому не удивительно, что отличием российских ценностей от западных норм является гетеронормативная идентичность, глубоко укорененная в российской философии и истории. Несмотря на то, что официальный дискурс гетеронормативности увязывается российскими властями с демографической политикой, автор усматривает в гетеронормативном здравом смысле один из результатов противопоставления российских ценностей западному стандарту. Гетеронормативность, в отличие от западной нормы изменчивости идентичности, определяет российские культурные границы перед лицом глобальной культурной гегемонии Запада.

Учитывая тематику номера как ориентированную преимущественно на тематику исторической памяти как *soft* тематику из сферы «искусства тонких касаний», логичным завершением номера является рецензия Е.Б. Дегтяревой на книгу Т. Дочерти *«Political English: Language and the Decay of Politics»*. Представление книги вписано в более общий контекст размышлений относительно роли языка и риторики в политической коммуникации. С опорой на анализ знаковых работ из области лингвистики и когнитивистики, автор утверждает, что риторика играет не последнюю роль в качестве эффективного инструмента достижения политических

целей. Это положение трудно оспорить с учетом выделенных Т. Дочерти способов влияния языка на политические процессы, включая возможность формировать социально-политическую повестку для общественности, способность убеждать, возможность создавать необходимый имидж государства, возможность манипулировать общественным сознанием. Текущие политические процессы подтверждают статус языка в качестве мощного инструмента политики, и анализ политических дискурсов способствует лучшему пониманию того, как формируется политическая коммуникация.

Завершая представление номера, приходится констатировать, что отечественная политическая наука весьма продвинулась по части изучения феномена исторической памяти, но практическая политическая субъектность в данном поле остается актуальной задачей. Надеемся, что материалы номера будут востребованы не только при изучении данной тематики, но в рамках практической политики.

**О.В. Гаман-Голутвина,**  
главный редактор журнала «Сравнительная политика»,  
президент РАПН, член Общественной палаты РФ,  
член-корреспондент РАН